

УДК 81'255.2
ББК Ш307

М. А. Черняк
Санкт-Петербург, Россия

«КАК КОРАБЛЬ НАЗОВЕШЬ, ТАК ОН И ПОПЛЫВЕТ»: ИЗ ОПЫТА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Литературный период конца XX — начала XXI вв., возникший на руинах советской литературы, подходит к концу и требует своего названия. Последние четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультурными вызовами времени (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы и др.). Сложность объективного анализа этой литературной эпохи связана и с понятием «незавершенности». В статье представлены результаты опроса современных писателей по определению современной литературной эпохи.

Ключевые слова: современная литература, литературный период, литературная эпоха, социология литературы, опрос современного писателя.

М. А. Chernyak
Saint-Petersburg, Russia

«LIKE A SHIP CALL, SO IT WILL FLOAT»: DEFINITION OF THE LITERARY PERIOD

Abstract. Literary period of the late XX-early XXI centuries arose on the ruins of Soviet literature, requires naming. The last quarter-century Russian literature first encountered the powerful socio-cultural challenges (litteraturcentrum crisis, transformation of literary field, demands of new post-Gutenberg era, revision of cultural values, commercialization of literature, etc.). The complexity of the objective analysis of this literary epoch is also connected with the notion of «incompleteness». The article presents the results of a survey of contemporary writers' definitions of modern literary era.

Keywords: Modern literature, literary period, a literary era, sociology of literature, survey of contemporary writer.

Литературный период конца XX — начала XXI вв., возникший на руинах советской литературы, думается, подходит к концу. Перед нами уже более четверти века поисков, экспериментов, открытий и поражений. Литературные периоды не могут длиться бесконечно, тем более, что и переходность, рубежность периода исчерпана (не за горами второе десятилетие XXI века), да и оптика исторического времени меняется на глазах, что, безусловно, не может не влиять на тенденции развития литературы. Это дает основание относиться к этому периоду как диахронному типу историко-литературной системы, который Н. Л. Лейдерман представлял в виде цепочки последовательно входящих друг в друга циклов: культурная эра — литературная эпоха — этап литературного развития — историко-литературный период [Лейдерман 2010: 488].

В конце литературного периода (пусть ощущаемом лишь интуитивно) становится предельно очевидна двойственная (идейно-образная) природа литературы, помогающая воссоздать концептуальную картину мира и позволяющая ей в «различные исторические периоды и в рамках разных национально-культурных традиций по-своему выражать эмоции, чувства, переживания и настроения; передавать философские обобщения и отвлеченные идеи; изображать предметную среду и человека, воспроизводить психологию людей и анализировать причинно-следственные связи их обстоятельств, характеров и действий». [Кондаков 2008]. Последние четверть века русская литература впервые столкнулась с мощными социокультурными вызовами времени (кризис литературоцентризма, трансформация литературного поля, требования новой

постгуттенберговской эпохи, ревизия культурных ценностей, коммерциализация литературы и др.).

Сложность объективного анализа этой литературной эпохи связана и с понятием «незавершенности». Действительно, с одной стороны, представителями этого литературного процесса являются А. Солженицын, В. Распутин, В. Аksenov, И. Бродский (каждый из которых уже занял определенное место в истории литературы), а с другой стороны, — писатели, творческий путь которых еще активно продолжается (В. Пелевин, В. Сорокин, Л. Улицкая, М. Шишкин, А. Кушнер, Л. Петрушевская и др.). М. Бондаренко справедливо отмечает, что «понятие “незавершенность” к явлениям “текущей” литературы может быть применено в нескольких аспектах. Во-первых, это онтологическая (биографическая) незавершенность субъекта творчества и, следовательно, самого творчества как реализации некоей экзистенциально-эстетической “программы”. Во-вторых, в отношении “эстетической деятельности” субъекта незавершенность предстает как незавершенность феноменологическая: имманентная незамкнутость ценностного мира художественного произведения. В-третьих, завершенность в ценностно-социологическом аспекте есть незавершенность ценностной среды, на определенное место в которой претендует новое явление. Это место — ценностно-эстетическая позиция — в момент интерпретации никогда не бывает до конца оформленным и легитимизированным, то есть не является абсолютно очевидным для интерпретатора, читателя и даже самого автора» [Бондаренко 2003].

Незавершенность литературной биографии, незавершенность литературного периода, стилистическая незавершенность, естественно, влечет за собой и незавершенность смысла литературного произведения: «оно завершается уже в индивидуальном опыте читателя, слушателя, что, вероятно, неизбежно и может вести как к умножению хаоса, так и к приращению смысла. Авторский текст становится пульсирующим высказыванием. Современного автора отличает стремление найти аудиторию за счет незавершенности смысла и готовности к потенциальной свободе интерпретаций», — полагает Е. Ермолин [Ермолин 2015: 79].

Каждый новый период истории литературы ознаменован яростным спором с предыдущими, очередным разрушением всего корпуса здания до самого основания, фундамента. Традиция как важная и необходимая межпоколенческая передача культурных норм, ценностей и накопленного опыта возможна лишь при сохранении неких базовых условий трансляции культуры. Очевидно, что в «нулевые» годы эти условия трансляции не сработали. В это время явно обозначилась эрозия ценностей современной культуры индивидуальной свободы, творческого самовыражения. Литература не сохранила миссию производителя и носителя художественной информации, призванной постоянно преобразовать философскую картину мира. Следовательно, устарели и формализованные общественные подходы к литературному процессу, в частности — разделение литературы на «молодую» и «старую», «деревенскую» и «городскую», «мужскую» и «женскую».

Ю. Лотман считал, что за «культурным взрывом» следует ровное плато постепенного развития. В новейшей русской словесности после «взрыва» и равномерного развития произошло сжатие — свертывание «технологии». Этот процесс ряд исследователей обозначает как инволюцию: то есть свертывание и одновременно усложнение, неизбежно порождающее эклектизм, проникающий во все сферы литературного процесса.

Заслуживает внимания проведенный в 2009 г. опрос представителей разных областей искусства и науки, которых попросили назвать одно слово, которое, по их мнению, полней всего характеризует начало XXI века, «нулевые годы». Слова, конечно, оказались разными, а настроение все же общее. Так, культуролог, главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Дондурей предлагает слово *«имитация»*, с которым связано многое: имитация интереса власти и общества к культуре, имитация понимания значимости культуры и вовлеченности в культурный процесс, имитация качественных произведений, соответствующих потенциалу нашей культуры. У режиссера Н. Хомерики возникает ассоциация со словом *«тренировка»*: «Мир готовится к чему-то новому, нащупывает пути. Если все движется по спирали, то сейчас мы выходим на новый виток». Наиболее точным словом охарактеризовал наш перенасыщенный, густонаселенный литературный процесс режиссер А. Зельдович — *«пробка»*: «Человек, застрявший в пробке, испытывает раздражение, он ощущает себя беспомощным и бесправным, потому что он ничего не может сделать, он обескуражен и зол. Если

движение и начнется, то не по его воле. Человек испытывает растерянность, потому что движение по маршруту его жизни в данный момент перестает от него зависеть» [Спецпроект 2009].

Есть и другие попытки определить, оценить, назвать сегодняшнее литературное пространство. Так, интересный и дискуссионный взгляд на культуру и литературу настоящего времени представлен в книге современного композитора В. Мартынова «Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни». «Литература перестает быть живым смыслообразующим пространством, порождающим литературные тексты, и превращается в некую культурную рутину, производящую лишь симулякры литературных текстов» [Мартынов 2010: 16], — считает В. Мартынов, доказывая, что литература не описывает формы жизни, а вырастает из них. Он сравнивает современных писателей с иконописцами XVIII—XIX вв., когда иконопись утратила то центральное место, которое она занимала прежде, а мастера не желали этого замечать. Наше время Мартынов определяет как *«зрелищецентризм»* или *«шоуцентризм»*. Это время тиражированности, повтора, бренда, невозможности создавать неповторимое.

Критик Л. Данилкин, доказывая, что нулевые получились совсем не такими, какими их представляли, выбрал для описания этого явления слово *«клюдж»* (англ. kludge), означающее на программистском жаргоне программу, которая теоретически не должна работать, но почему-то работает. «Хотим мы этого или не хотим, нам придется признать, что единственная адекватная материалу форма представления литературы нулевых — не мозаика в одном-двух вариантах, а список, между пунктами которого может не быть ничего общего, кроме факта появления в определенный промежуток времени», — считает критик [Данилкин 2010: 33].

Слово *«гламур»* тоже стало знаком десятилетия. Писатель А. Максимов в книге «Интеллигенция и гламур», обосновывая, что «гламур — это философия жизни, которая постепенно и незаметно завоевала нашу страну», вводит для определения специфики культуры начала XXI века очень точный термин — *«фермата»*, — что в переводе с итальянского языка означает остановку неопределенной продолжительности: «В ту пору, когда в России произошла столь же бескровная, сколь и безусловная революция, — гламур сделал то, что не смогли сделать ни государство, ни интеллигенция: дал совершенно четкую систему ценностей, нашел ответы на те вопросы, которые будоражили общество. <...> лучше жить красиво, чем уродливо, лучше жить легко, чем трудно, лучше жить весело, чем задумчиво, и вообще — лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» [Максимов 2010: 95]. Мир гламурной литературы подкупает своей псевдоискренностью, создавая иллюзию правильного, красивого и справедливого мира, антигламурная же литература вне зависимости от своего качества и политической направленности становится своего рода оппозицией. Это очень хорошо понял, например,

Е. Гришковец, балансирующий на грани «литературы о потреблении» и «литературы потребления».

На сиюминутность литературной эпохи указывает и критик Е. Ермолин, полагающий, что «один из вариантов определения момента — *Гламурный век. Глянцевое процветание*. От золотого века к серебряному, от серебряного к бронзовому, от бронзового к железному, а теперь уже пластмасса знаменует собой наступление эпохи ликующей пошлости, часа карликов. <...> Генеральный признак новой словесности — влечение к уникально-персональному, причем к по максимуму животрепещущему, сиюминутному. Кто не успел, тот опоздал; нет гарантии, что опоздавший вообще хоть как-то и кому-то пригодится и хоть чему-то соответствует в мире. Писатель становится заложником актуального, часто вынужден спешить, журналистничать» [Ермолин 2015: 75].

В последнее время, которое, по образному определению писателя В. Пьецуха, «клонится к нулю и потребность в чтении скоро отомрет на манер вертикального века и ночного зрения у собак» [Пьецух 2015: 133], тем не менее, можно обнаружить довольно яркие попытки писателей, часто тревожные и пессимистичные, определить литературное время. Так, размышляя об «антилитературном» времени, В. Ерофеев ставит приговор: «Всеми руководит неподдельное чувство. Никто не думает, что за стол нужно садиться с холодной головой. Все садятся с горячим желанием высказаться. Это желание в литературном смысле неграмотно. Книги роятся, но не плодоносят. Жанров много, встреч с авторами тоже немало, но такое впечатление, что ничего не происходит — *литературная пустота*. Литература кончилась, она куда-то уползла. В хороших писателях ходят жалкие единицы. Они проклевываются и быстро гаснут. Это слабые существа. Они не определяют сегодня литературное время. Интерес к автору подогревается не его литературными открытиями, а его социальными или политическими прыжками» [Ерофеев 2015].

«Наша эпоха — культура переполненной памяти, передоверенной интернету и компьютеру. Эта память безмерна, а следовательно, ее как будто и нет. Пользователю не добраться до нужного закоулка в лабиринте, не докопаться до сокровищ в груди анонимных знаков и фактов. По силиконовой долине не пройти без поводыря. Требуются сталкеры, владеющие приемами выкликания» [Костюкович 2008]. Эти образные слова Е. Костюкович, переводчика У. Эко, точно иллюстрируют время разорванных связей и утерянного культурного кода. Можно ли одним эпитетом обозначить столь противоречивую, полифоническую, разновекторную и пеструю литературу, в которой «Живые картины» Полины Барсковой соседствуют с «Мыльной сказкой Шахерезады» Дарьи Донцовой, «Пенсия» Александра Ильянена с «Черновиком» Сергея Лукьяненко, «Черная обезьяна» Захара Прилепина с «Лестницей Якова» Людмилы Улицкой. Критик Н. Иванова, размышляя о пестроте сегодняшнего литературного пространства, о современных писателях, наследующих абсолютно разные традиции и говорящих на разных литературных языках, приходит к выводу о стилистическом расколе новейшей литературы: «Из всего этого

складывается *амальгама* русской литературы начала XXI века, — и если рассматривать ее в целом, то главная характеристика этой амальгамы как раз и заключена в ее внутренней, неразрешенной и пока неразрешимой противоречивости» [Иванова 2012: 207].

Характерной чертой литературы новейшего времени можно считать попытку многих современных авторов отразить окружающую их реальность, описать непосредственно происходящие в ней коммуникативные процессы и осмыслить уже свершившиеся факты языкового опыта. В 2005 г. участвуя в опросе о современном языке журнала «Отечественные записки», М. Шишкин отметил: «Русская литература — это не форма существования языка, а способ существования в России нетоталитарного сознания. Язык русской литературы — ковчег. Попытка спастись. Островок слов, на котором должно быть сохранено человеческое достоинство» [Писатели о языке 2005: 67]. Спустя ровно 10 лет в статье «Что такое литература, и как это делается», В. Пьецух определяет цели писателя так: «Всякий раз, как садишься за свой письменный стол, следует первым делом определиться, что ты имеешь сказать людям независимо от того, что они хотят от тебя услышать, поскольку их главным образом интересует *про бандитов и про любовь*. Затем нужно браться за работу, причем с таким чувством, как будто ты собрался дать пощечину подлецу» [Пьецух 2015: 140]. Действительно, за 10 лет многое изменилось и в стратегиях писателей, и в читательских вкусах, и в социокультурных параметрах эпохи, и в духе времени, и в настроении общества. В связи с этим представляет интерес, как писатели, активные участники современного литературного процесса, определяют *свое* время, *свою* литературную эпоху. Ниже представлены ответы на следующий вопрос: «Золотой век, серебряный, советская литература... а какой бы эпитет Вы подобрали для нынешнего литературного процесса?»¹.

- Александр Иличевский: «*Черно-чугунный*. Правда есть на нем остатки сусального золота».
- Илья Бояшов: «Ну, если следовать логике, то *медный век* или железный... Звучит!».
- Александр Мелихов: «Я бы использовал образ «Сто лет одиночества»».
- Петр Алешковский: «Период собирания камней».
- Николай Прокудин: «Литература детектива домохозяек. Литература начала эпохи гаджетов».
- Михаил Ахманов: «Время "tertia vigilia", "третья стража", те ночные часы, когда еще царит сумрак, но рассвет близится».
- Алексей Слаповский: «*Растерянный век*».
- Антон Чиж: «*Твиттеризация*».
- Наталья Соколовская: «Золотой век, серебряный век... Железный век... И не потому, что индустриализация (и соответствующая литература, а

¹ Выражаю искреннюю благодарность всем писателям, которые нашли время ответить на вопрос. Выбор писателей был абсолютно субъективен: это круг моего общения (и близкого, и далекого, и эпизодического, и многолетнего, и виртуального). В основном, это писатели, которые в разное время участвовали в наших проектах по современной литературе (конференциях, круглых столах, литературных встречах).

потому что «шевелия кандалами цепочек дверных». Это про «советскую». Хотя, «советский век русской литературы», несомненно, тоже «большой». А нынешний, *электронный век*, — не вполне уловимый, летучий... тексты приходят как бы ниоткуда, и уходит как бы в никуда, в эфир, в «облако»...».

• *Дмитрий Вересов*: «*Век самовоспроизводящихся технологий*».

• *Мария Галина*: «Ну, наверное, *бумажный*, в смысле легкости — непрочности, да и шелеста купюр тоже, потому что по моему мнению литературу губят премиальные процессы и коммерческие проекты. Хотя направляется «*электронный*», «*цифровой*», да? В сети каждый желающий — литератор, очень много, скажем так, авторов-любителей, имеющих свою устойчивую аудиторию поклонников. Сейчас *время фанфиков и проектов*, это настораживающий диагноз, если говорить о перспективах».

• *Ольга Новикова*: «*Клюквенный век*. Все истекают клюквенным соком: мнимая оппозиционность, мнимая эмоциональность, мнимая интеллектуальность и т.п.».

• *Всеволод Беннигсен*: «Мне кажется никто пока не смог «зацепить», понять, определить наше время. Оно слишком динамичное, слишком изменчивое. *Время поиска самих себя*».

• *Владимир Новиков*: «*Пороговая эпоха*. Никак не переступим грань веков, не заживем по законам настоящего двадцать первого века».

• *Алиса Ганеева*: «*Промежуток* (практически по Тынянову)».

• *Павел Крусанов*: «Это станет ясно на расстоянии лет. Пока ты внутри этой клумбы, ты не видишь ни ее реального размера, ни цветочного узора, который выложил на этой клумбе Садовник».

• *Вадим Левенталь*: «*Современная русская литература*, само собой. А уж как нас будут помнить сыновья и внуки, бог весть; может, «предвоенная», может, «литература позднего капитализма».

• *Владимир Шпак*: «*Литература эпохи победившего капитализма*. Отсюда и соответствующее место литературы в общественном пространстве».

• *Андрей Аствацатуров*: «*Эпоха нефтяной трубы*».

• *Татьяна Гармаш-Роффе*: «*Литература постсоветской эйфории*».

• *Анна Берсенева*: «Слишком много имитации. Не меньше, чем в отечественной же современной политике. Хотя, может быть, в литературе в сравнении с политикой имитация не столь изощрена и нагла; это обнадеживает. Потому и не нахожу названия для современного литературного века. Все-таки не хочется называть его *имитационным*».

• *Елена Колина*: «Я бы назвала нынешний литературный процесс «*старательный*» — многие *стараются*».

• *Евгений Водлазкин*: «Это эпоха после ухода постмодернизма. Теперь важно ее красиво назвать».

М. Кронгауз, называя «лексикографический невроз» приметой сегодняшнего дня, отмечает: «Раз мир лучше познается через отдельные слова и выра-

жения, то и форма словаря становится востребованной, ведь слова удобнее всего располагать в алфавитном порядке (для солидности и аккуратности). <...> Тенденция состоит в том, чтобы «говорить» (или, точнее, писать) целыми словарями» [Кронгауз 2007]. Представленные выше определения эпохи образуют своеобразный стихийный словарь нашего непростого литературного времени, по которому можно судить о социокультурных тенденциях и сдвигах.

Терминологическое многообразие в определении литературной эпохи, сделанное непосредственными участниками, не только подчеркивает ее противоречивость и диффузность, но и убеждает в сложности подобной оценки изнутри литературного периода. Кстати, важно в этом контексте вспомнить, что термин «золотой век русской литературы» тоже возник не сразу в пушкинскую эпоху. Впервые это выражение употребил М. А. Антонович в статье «Литературный кризис», напечатанной в 1863 году в журнале «Современник». На авторство термина «Серебряный век», как известно, претендовал и Н. Оцуп, и Н. Бердяев. Хотя можно предположить, что название, в семантике которого ощутима россыпь символических знаков эпохи модерна с ее мистикой цвета (образы «серебряный колодезь», «серебряный голубь», «серебряные бури» и т.п. достаточно частотны), «носилось в воздухе».

Поэт М. Степанова, описывая нашу современность, говорит о своеобразной скудости оперативного словаря: «Ощутимый неуют заставляет обитателей нашей не-современности сбиваться во что-то вроде легкой ситуативной пены, в летучее мы, которое образуется по тому и другому поводу и разлетается через несколько часов или дней. То, что Блок называл «событиями», — очень грубо говоря, тот язык, на котором история говорит с человеком, — обращено именно к множествам, приводит *мы* в движение, их смещениями питается. Надо как-то объяснить себе, что это с нами такое делается, и тут оказывается, что для этого нет новых слов. Мы — я — их не наработали за 90-е и нулевые; похоже, что единственная работа, которая была проведена, — работа по эксгумации и оживлению старого. Так теперь и есть; мы молчим, *она* говорит — что умеет и как умеет. Такое ощущение, что в оперативном словаре нету слов и конструкций, что позволили бы говорить о том, что происходит сегодня, не опираясь на сложное прошедшее, не применяя портативный цитатник» [Степанова 2015: 30]. Опрос писателей продемонстрировал, что кто-то из наших современников попытался найти эпитет по аналогии с «Золотым» и «Серебряным», кто-то подчеркивал постгуттенберговский характер эпохи Web 2.0, кто-то справедливо настаивал на рубежности и противоречивости времени столкновения веков и тысячелетий, кто-то эмоционально оценивал расслоение литературы на массовую и элитарную, коммерческую и премиальную. Однако, так или иначе, очевидна сложность (а может быть невозможность?) найти термин, обозначающий тот или иной литературный период, для самих ее непосредственных участников. Кстати, это подтверждает и писатель Д. Бавильский: «История литературы пишется с определенной исторической дистанции, когда всякие эпохи и периоды уже закончились, а изнутри понять логику постоянного становления про-

цесса невозможно. Может быть, именно этим, кстати, «концом логоцентричности» и следует характеризовать то, что происходит в текущей словесности сейчас. Тот кризис распада и разложения привычных форм бытования художественных текстов, которые не могут спасти ни рынок, ни технологии?» [Балла 2015]. Можно вслед за критиком В. Пустовой предположить, что отвечая на вопрос об определении литературной эпохи, писатели предлагают своего рода «иероглифы современности — некоторые сгущения смысла, которые вполне вербализовать не получается, но которые ощущаются как пульсирующие жизнью, существенные для нашего самосознания» [Балла 2015].

Освальд Шпенглер писал, что «каждой из великих культур присущ тайный язык мироощущения, вполне понятный лишь тому, чья душа принадлежит этой культуре» [Шпенглер 1993: 341]. Удалось ли нашим современникам уловить, расшифровать, понять, этот тайный язык — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

Балла О. О границах современной литературы // Литература. 2015. — Режим доступа: <http://litteratura.org/publicism/1448-ogranicah-sovremennoj-literatury.html>.

Бондаренко М. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 62. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62>.

Данилкин Л. Клуб. Итоги десятилетия // Новый Мир. — 2010. — № 1. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/des11.html.

Ермолин Е. Медиумы безвременья: Литература в эпоху постмодерна, или Трансавангард. — М.: Время, 2015. — 208 с.

Ерофеев В. Литературная пустота. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2608969>.

Иванова Н. Свободная и своенравная — или бессмысленная и умирающая? Заметки об определениях современной словесности // Знамя. — 2012. — № 7. — С. 202—208.

Кондаков И. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX—XXI веков // Вопросы литературы. — 2008. — № 5 — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html>.

Костокович Е. Культура переполенной памяти. — Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/4045800>.

Кронгауз М. Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить // Новый мир. — 2007. — № 6. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/6/kr11-pr.html.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Размышления и разборы. — Екатеринбург: Словесник, 2010 — 904 с.

Максимов А. Интеллигенция и гламур. — М.: Зебра-Е, 2010. — 224 с.

Мартынов В. «Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни». — М.: Классика XXI, 2010. — 160 с.

Данные об авторе

Мария Александровна Черняк — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Адрес: 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 31.

E-mail: ma-cher@yandex.ru.

About the author

Maria Alexandrovna Chernyak is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg).

Писатели о языке // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_6.html.

Пьеух В. Что такое литература, и как это делается // Октябрь. — 2015. — № 1. — С. 136—142.

Спецпроект «Про нулевые». — Режим доступа: http://os.colta.ru/music_modern/events/details/15057.

Степанова М. М. Три статьи по поводу. — М.: Новое издательство, 2015. — 64 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 663 с.

REFERENCES

Balla O. O granicah sovremennoj literatury // Litteratura. 2015. — Rezhim dostupa: <http://litteratura.org/publicism/1448-ogranicah-sovremennoj-literatury.html>.

Bondarenko M. Tekushij literaturnyj process kak ob'ekt literaturovedenija // Novoe literaturnoe obozrenie. — 2003. — № 62. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62>.

Danilkin L. Kludzh. Itogi desjatiletija // Novyj Mir. — 2010. — № 1. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/des11.html.

Ermolin E. Mediumy bezvremen'ja: Literatura v jepohu postmoderna, ili Transavangard. — M.: Vremja, 2015. — 208 s.

Erofeev V. Literaturnaja pustota. — Rezhim dostupa: <http://www.kommersant.ru/doc/2608969>.

Ivanova N. Svobodnaja i svoenavnaja — ili bessmyslennaja i umirajushhaja? Zametki ob opredelenijah sovremennoj slovesnosti // Znamja. — 2012. — № 7. — S. 202—208.

Kondakov I. Po tu storonu slova. Krizis literaturocentrizma v Rossii XX—XXI vekov // Voprosy literatury. — 2008. — № 5 — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/5/ko5.html>.

Kostjukovich E. Kul'tura perepolnenoj pamjati. — Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/4045800>.

Krongauz M. Leksikograficheskij nevroz, ili Slovar' kak sposob pogovorit' // Novyj mir. — 2007. — № 6. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/6/kr11-pr.html.

Lejderman N. L. Teorija zhanra. Razmyshlenija i razbory. — Ekaterinburg: Slovesnik, 2010. — 904 s.

Maksimov A. Intelligencija i glamur. — M.: Zebra-E, 2010. — 224 s.

Martynov V. «Pestrye prut'ja Iakova: Chastnyj vzgljad na kartinu vseobshhego prazdnika zhizni». — M.: Klassika XXI, 2010. — 160 s.

Pisateli o jazyke // Otechestvennye zapiski. — 2005. — № 2. — Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_6.html.

P'echu V. Chto takoe literatura, i kak jeto delaetsja // Oktjabr'. — 2015. — № 1. — S. 136—142.

Specproekt «Pro nulevye». — Rezhim dostupa: http://os.colta.ru/music_modern/events/details/15057.

Stepanova M. M. Tri stat'i po povodu. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. — 64 s.

Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj kul'tury. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'. — M.: Mysl', 1993. — 663 s.